

на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усиленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ козѣблаться лодку, чтобы разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ усилія дѣлались тщетны и челнокъ останавливался, вертѣлся.. Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бы демоновъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и небо должно было заплатить ей за будущее—въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбежномъ, и по крайней мѣрѣ хотѣла жить—пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенить бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви! — сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову: — нѣтъ, о, нѣтъ! — она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если бы наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанія—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта она зашѣла въ полголоса слѣдующую пѣсню:

Воешь вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ—
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнуть:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый излѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню! — воскликнулъ Юрій;—кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ общаешься—мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца! Боже! — Она содрогнулась и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого: Боже! — потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму

отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь миллиономъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца и нѣсколько дней, повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольной рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя огнями дома одни были видны сквозъ рѣдкій вѣтельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и, поравнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое? — шепнула Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово? — сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслышалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ, — сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, — что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй! — больше она не могла выговорить.

— Это должно быть вори! — подумалъ Юрій, и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталя Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщины? Теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, — молодымъ людямъ простиительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову — знаетъ Царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка, — сказала она вошедшему сыну: —